

ПЛАВНОЕ дело Романа Кармена — не «жаренная» журналистика, хотя он написал немало интересных книг, множество газетных и журнальных очерков, корреспонденций, публицистических статей, тоже всегда интересных и боевых. Главное дело — рассказывать средствами документального кино о людях, о жизни, о событиях, свидетелем которых он был. Впрочем, никогда не был он только свидетелем событий. Всегда — участником. Если у нас в стране, то — участником в прямом смысле этого слова, если за рубежом, то физически — участником в той мере, какую позволяет звание советского кинооператора и режиссера, а эмоционально — всегда участником в полной мере, участником с самым решительным и недвусмысленным определением своей позиции.

Никогда — ни на Северном полюсе, ни во Вьетнаме, ни во время автопробега в Каракумах, ни в боях под Москвой, ни в блокадном Ленинграде, ни в Испании, ни на Кубе — не был этот человек только наблюдателем. Никогда не снимает он с обеих сторон баррикады. Он всегда точно знает, где друзья и где враги, где его место. Потому что он не наблюдает, он дерется.

У Хемингуэя высшей оценкой человека было слово «солдат», в которое он вкладывал смысл шире буквального. Мне кажется, что Роман Кармен (к которому, кстати говоря, Хемингуэй очень тепло относился: «Попотел мы с ним тогда, пополали на брюхе», — говорил он о Кармене в 1960 году, вспоминая Испанию) всю свою жизнь — солдат.

Если иметь в виду буквальный смысл слова «солдат», то Кармен стал им уже за несколько лет до Отечественной войны. Отправляясь с Белорусского вокзала Москвы на фронт в ночь с 24 на 25 июня 1941 года, Кармен уже был обстрелянным солдатом и мог рассказывать своим друзьям по кинорупке, что такое война с фашизмом. Два года до этого он провел в Испании на самых опасных участках фронта. А потом год — в Китае.

Разве скажешь о журналисте, который в первый день войны явился в редакцию или на киностудию с просьбой послать его на передовую, что он пошел добровольцем на фронт? Нет, не скажешь, хотя дело обстоит именно так. Слово «доброволец» неприменимо к журналисту, потому что, если он не стремится туда, где происходит самое главное, значит он просто не журналист.

В кинематографе не существует должности, которая называлась бы — специальный корреспондент по горячим точкам Земного Шара. Но деятельность Романа Кармена по сути своей означает именно это. Он — наш специальный корреспондент, который всегда находится там, где в этот момент происходит что-то для нас с вами важное.

Горячие точки бывают разные, это не только фронты Отечественной войны, Испания или Вьетнам. Горячая точка это и ледокол, идущий в полярную ночь для спасения дрейфующего корабля, и автопробег Москва—Каракумы—Москва, и нефтяные прииски на Каспии, и первый опыт создания советского кинопанорамного фильма.

Мне приходилось слышать — везучий человек, Кармен. Он и сам часто говорит о себе и пишет в недавно вышедшей книге воспоминаний «Но пасаран!»: «мне просто повезло», «это вышло случайно», «всего-навсего удачно сложились обстоятельства...».

Конечно, счастливый случай в профессии журналиста имеет огромное значение. Но журналистский опыт показывает, что обстоятельства «всего-навсего» удачно складываются большей частью перед теми, кто этого добивается всеми силами своей души, своего таланта.

В первые дни войны не каждому оператору удавалось снять упорный бой с гитлеровцами. Те, кто дрался упорно в первые тяжелые для нас дни, большей частью оказывались в окружении, отрезанными от своих. Кармену и его группе удалось снять упорный бой одной из наших частей в первые же дни войны. Как были нужны тогда такие кадры! Рассказывая об этом эпизоде, Роман Кармен говорит: «Как хорошо, что мы сняли этот небольшой, но упорный бой, происходивший в деревушке, куда привела нас военная тропа утром 8 июля 1941 года. Нам повезло, конечно. Могли пойти и по другой тропе. Но мы пришли сюда. И сняли этот бой».

В Испании оператор мог ограничиться лишь своими прямыми обязанностями — трудом, тяжелым, требовавшим и мастерства, и таланта, и выносливости, и мужества. Но Кармен еще взялся писать ежедневные корреспонденции для газеты «Известия». И каждую ночь, когда, наконец, можно было отложить камеру, он, измученный дневной работой, садился за стол и писал несколько стра-

ниц для газеты. Писал, находясь свежим, незатасканным, слова, которые оттуда, из Мадрида, по телеграфу шли прямо в сердце советского человека.

Избыток энергии? Не думаю. Слишком энергичный журналист, неутомимый журналист (не люблю я этого определения!), как мне кажется, очень часто — малоинтересный журналист. Журналистика — муза. И, как всякая муза, не терпит суеты в служении себе.

У Кармена это не просто энергия, это — целеустремленность, знание того, чего он добивается, великолепный профессионализм, полная отдача себя любимому делу, наконец, свойство души, которое дает право называться журналистом. Так и только так Кармен понимает свой долг кинодокументалиста. Точно так же он понимает свой человеческий долг, когда, идя под шквалами минометного огня, тащит на спине раненого бойца. Боец умрет, это ясно. Осколочная рана в живот смертельна. «Здравый смысл» подсказывает: бессмысленно выносить с поля боя того, кто обречен, — сам погибнешь. Но сердце требует: неси, не оставляй человека без помощи.

Это тоже свойство души. Оно дает право называться солдатом.

Кармен — мужественный солдат. И поэтому он без всякого кокетства, не скрывая ничего, рассказывает об обыкновенном чувстве страха, который испытывал, когда надо было лететь на бомбардировщике в тыл врага, чтобы снять кадр — бомбы падают на позиции противника.

Тут, наверное, следует расшифровать смысл слова «надо». Никто не давал оператору приказа лететь, никто не говорил ему, что такой кадр необходим. Просто он сам решил: такой кадр нужен. А снять его можно, только пойдя на бомбежку. В этой обстановке, наверное, очень легко начать рассуждать — а стоит ли рисковать жизнью из-за нескольких десятков метров пленки, которых от тебя никто не требует? Лететь на самолете тебе не только не приказывали, наоборот, на этот полет надо испрашивать разрешение командира эскадрильи. Причем твое присутствие на самолете создаст неудобство экипажу, потому что из-за тебя приходится оставить на земле стрелка. Так зачем же снижать боеспособность самолета? И т. д. и т. п. Сразу найдется очень много объективных причин, которые вроде бы оправ-

панораму: лица республиканских бойцов в Испании. Люди стоят шеренгой в каком-то здании. Не то вокзал, не то призывной пункт, не то какое-то военное учреждение, откуда они отправятся на фронт. Усталые люди, возможно, пришедшие сюда после боя получить новое задание, и снова — в бой. Одежды — кто в чем. Формы нет. Оружие разное. Внешне их объединяют, может быть, только республиканские пилотки. Люди стоят в шеренге не по стойке смирно. Кто — опершись на дуло винтовки, кто — обхватив его пальцами, кто — заложив руки за спину. Камера Кармена движется очень близко от этих лиц, вдоль шеренги, медленно, так, что мы можем рассмотреть каждое лицо, глаза, брови, рот, морщины на лбу. Через несколько часов эти люди уйдут в бой. Поэтому, занятые своими мыслями, они обращают мало внимания на кинооператора и на его камеру. Некоторые прямо смотрят в объектив или провожают его глазами, но, по-моему, думают в это время совсем о другом.

Человеку, который не видел этих кадров, может показаться по моему описанию, что Кармен исследует эти лица, что он дает нам портреты людей, едущих на фронт. Да, наверное, это так. Но, кроме того, Кармен еще восхищается

ним всего его отношения к тому, что он видел на «пылающем острове». И именно эту простую фразу мы вставили в текст для того эпизода.

В «Пылающем континенте», новом своем фильме, автор ведет словесный рассказ о Латинской Америке сдержанно, местами даже сухо. Но я будто слышу за этими нарочито буднично произнесенными словами текста горячий шепот автора фильма: «Победы вам, родные!»

Один из сильнейших эпизодов фильма — репортажные съемки генерала Торрихоса, который приехал в какую-то панамскую деревню на торжественное событие: открытие водопровода. Кармен в течение нескольких минут не останавливает камеры, не отрывает ее объектива от оратора, показывает его лицо, его руки, его глаза, его улыбку, его жесты. И, кажется, что оператор во время съемки смеется вместе со всеми, кричит вместе со всеми или напряженно слушает вместе со всеми. Нет, конечно, это было не так. Прищурив глаз, он просто напряженно следил за человеком в объективе и, может быть, ни о чем не думал и уж наверняка никаких слов не произносил. Мотор его камеры питали в это время не только аккумуляторные батареи, но душа человека с аппаратом, ее

Генрих БОРОВИК

СВОЙСТВО ДУШИ

дывают решение оператора не лететь. Да и оправдываться ему не перед кем, потому что никто, кроме него, не знает и не догадается, что такой кадр нужен. Значит, оправдываться надо только перед собой. И оператор летит в тыл врага. Мог не лететь, но полетел. Мог не снимать, но снял. Свойство души, без которого нет журналиста.

Мне выпала большая творческая радость работать с Романом Карменом над фильмом «Пылающий остров». Несколько месяцев на Кубе и затем в Москве, на Центральной студии документальных фильмов. В той или иной степени я был также свидетелем его работы над несколькими другими фильмами. Я видел в работе разных кинорежиссеров. Видел прекрасных мастеров, энергичных людей, хороших организаторов, видел людей, увлеченных работой или относящихся к ней с профессиональной сдержанностью.

Но я, пожалуй, никогда не видел художника, который был бы так открыт, по-юношески, всем сердцем влюблен в то, о чем хочет он рассказать зрителю, и в тех, кого он показывает зрителю. Я хочу уточнить — влюблен не в свою работу, не в свой будущий фильм, не в себя в работе, а именно в то, о чем предстоит ему рассказывать.

Он влюбился в Кубу сразу, как только узнал, что там происходит, из первых больших очерков о Кубе, появившихся в нашей печати. И там, когда мы приехали на остров, его влюбленность только возрастала — в каждую страничку истории, в каждую деталь похода «Гранмы», в каждого крестьянина Сьерры, в каждый кусочек кубинской земли.

И кубинцы платили ему любовью, искренней и широкой, любовью, до сих пор делающей имя Кармена пропуском к сердцам кубинцев, которые встречали его и слышали о нем.

Посмотрите, как Кармен снимает лица друзей. Думаю, что многие помнят его

ими, этими лицами и этими людьми. А свое восхищение передает нам.

Я не знаю, как он делает это, как передает объективу камеры выражение своих глаз, которыми он смотрит на этих людей.

А вот другая панорама — по лицам людей, сидящих на скамье подсудимых в Нюрнберге. И я чувствую другое. Я чувствую ненависть, с которой оператор глядит на них.

Нет, он не изучает лица, не исследует, тем более не наблюдает их. Он или восхищается ими, или ненавидит, или гордится, или презирает.

Однажды, когда увлекшись киносъемками, я спрашивал у Кармена совета, он сказал мне:

— Когда снимаешь, шепчи про себя текст, который хотел бы сказать на этих кадрах.

Я понял это так: определи свое отношение к тому, что ты снимаешь, знай, что ты хочешь сказать этим кадром, для чего он тебе.

Очень точный совет. Творческий принцип, которому Кармен — публицист и боец — следует неотступно.

Вспомните его съемки на поле стадиона в Испании. Когда впервые проходят строевую подготовку испанские рабочие и крестьяне, ставшие солдатами. Винтовки несут — кто на левом, кто на правом плече, а после команды — налево! — чуть ли не половина шеренги стоит в растерянности, не зная, куда повернуть.

Не знаю, что шептал себе Кармен, когда снимал эти кадры. Но мне кажется, я слышу его слова: «Родные вы мои, как я желаю вам победы...»

Помню, во время работы над текстом «Пылающего острова» в одном из эпизодов, очень лиричном, мы искали дополнительную краску в тексте. Кармен говорил: «Понимаешь, здесь нужно что-то теплое, открытое, как объяснение в любви... Ну, что-то вроде: «Как мы полюбили тебя, Куба». Ничего в этой фразе не было особенного, но была она выраже-

свойство никогда не быть равнодушной.

Кармен волнуется. Волнуется перед началом работы над фильмом. Волнуется во время съемок, во время монтажа. Перед сдачей первого варианта он в отчаянии, он убежден, что ничего не получается, вернее, получается совсем не то, и не так он хотел. Он сидит до изнеможения над монтажным столом, снова и снова идет в просмотровый зал искать стыковку для нестыкующихся, кажется, кадров. Он уезжает со студии позже всех, провожаемый сердитыми взглядами пожарников и сторожей, уезжает разбитым человеком. Но в семь утра следующего дня на столе его соавтора уже звонит телефон и бодрый голос Кармена, который и мысли не допускает, что кто-то может вставать позже семи, весело предлагает: «А что, лилпут, если попробовать вставить между этими двумя эпизодами тот план, который мы сняли, когда...»

И все начинается сызнова. И начинается весело. Потому что искусство может быть трудным, может быть тяжелым, но труд в нем не может быть скучным, работа не может быть постылой.

Творчество Кармена удивительно целенно, но, мне кажется, вряд ли делится на периоды (я не имею в виду хронологию). Даже, если хоти, оно не делится на фильмы. Когда он говорит в прологе к «Пылающему континенту», что этот фильм продолжение «Пылающего острова» и продолжение фильмов об Испании и об Отечественной войне, то дело здесь не только в том, что фильмы эти объединяются одним автором, дело в том, что все они объединяются свойством его души и главной темой его жизни — борьбой человека за социальную справедливость, против фашизма, за социализм.

Роман Кармен сделал очень много фильмов как режиссер. В еще большем количестве фильмов принимал участие как оператор. Одни работы Кармена могут нравиться больше, другие меньше. В них можно искать и находить недостатки. Большие или меньшие удачи — это естественно в творчестве каждого художника. Но далеко не каждый даже очень большой художник может похвастаться таким удивительным единством, целостностью, безупречностью, неразрывностью всего своего творчества в целом. И если окинуть взглядом все фильмы Кармена, сделанные им за четыре с лишним десятка лет, то, пожалуй, их можно назвать одним огромным и прекрасным фильмом — очень современным, очень сегодняшним во всех своих частях.